

Зуев Михаил Иванович,
*историк (Псковский казачий округ МССО
«Всевеликое войско Донское»)*

ОРЛЫ НАД ПСКОВОМ

Вечной памяти мужественного орла – моего деда Филиппа Савельевича Савельева, казнённого за правду весной 1924 г., и светлого орлёнка, моего лучшего друга и брата Саши, убитого осенью 1968 г.

*Орёл взлетает величавый
Над деревом славянской славы...*

Святоплук Чех. В первом ряду.

Огромные орланы (*Haliaeetus*) и настоящие орлы (*Aquila*, в т. ч. беркуты и подорлики), а также крупные канюки (*Buteo*), коршуны (*Milvus*), луны (*Circus*), осоеды (*Pernis*), скопы (*Pandion*) и ястребы (*Accipiter*) парят над Псковской землёй и в наши дни¹. Многие из них занесены в Красную книгу России, но, увы, трудно поручиться за то, что в эту самую минуту не исчез последний из беркутов, орланов-белохвостов или менее внушительных красавцев из хищного пернатого племени.

¹ Бёме Р. Л., Динец В. Л., Флинт В. Е., Черенков А. Е. Птицы. М., 1998. С. 105-110, 112, 115, 116, 118-125.

Псковичи издревле почитали сильную величавую птицу, витающую превыше других земных тварей и лицезреющую то, что недоступно людям. Казалось, если бы она пожелала заговорить или человек смог понять язык правителя воздушных стихий, – то мы услышали бы нечто невообразимое:

*И внял я небо содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье².*

Знаменательное совпадение: эти **орлиные слова** записаны А. С. Пушкиным, по мнению некоторых исследователей, в милом его сердцу псковском именьеце Михайловском. А двести сорока годами ранее псковский книжник-иконописец Василий (Михайлов сын) смеялся над самонадеянным польско-литовским королём Стефаном Баторием, слывшим знаменитым полководцем, но не сумевшим овладеть псковскими твердынями:

*Что же твоего ума, польский кралою, <...> что же твоего домыслу, Степане, яко **ветра гониши**, или **в морстей пучине путна хождения видети** хочещи, или **высокопарна орла стези считаеши**? Жестоко ти есть противу рожна стояти! Аще Бог по нас, ты ли на нас?³*

Да уж, нелегко тому, на кого нацелено тяжёлое боевое или охотничье копьё-*рожон*, особенно если это копьё являет собой крупнейшая в Европе девятикилометровая каменная городская крепость, снабжённая превосходным пушечным *нарядом*! Тяжко приходится и скопе-самцу, каким-то чудом взлетающему чуть ли не из-под воды со здоровенной, бьющейся в его когтях рыбиной и несущему добычу к далёкому гнезду, где томится высиживающая птенцов верная его подруга. Испытываешь невольное сострадание и уважение, видя, как после каждого взмаха мощных крыльев сильная птица всё же невольно как бы про-

² Пушкин А. С. Пророк (1826).

³ Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков. М. ; Л., 1952. С. 92. – Здесь я позволил себе выделить жирным шрифтом воображаемые способности орла.

валивается в воздухе, влекомая вниз грузной, еще содрогающейся поживой, – слыша, кажется, как надрывно бьётся быстрое сердце крылатого охотника, – и зная, что ему (вот именно этому самому – и в этом случае) нужно лететь ещё 32 километра! О муках задыхающейся в полёте рыбы я уже и не говорю. Зато нисколько не жалко до сих пор прославляемого некоторыми поляками короля Стефана, скончавшегося сравнительно молодым под надзором нелюбимой жены-старухи, сестры покойного короля Сигизмунда II Августа, на которой его заставили жениться. *Подделом вору и мука*. Помянем лучше горожан Сокола и Великих Лук, зверски умерщвлённых баториевцами в 1580 г.

Но какова **орлиная переключка в веках** вольнолюбивых певцов, разделённых временем, но не **псковским** пространством! А ведь Александр Сергеевич не знал полного текста *Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков*, созданной Василием, возможно, уже в 1582 г., сразу после обороны города (18.VIII.1581 – 4.II.1582), в которой наш славный земляк, разумеется, участвовал⁴.

Василий считал орла птицей высокого полёта, *стези* (пути) которой неисповедимы, ибо орёл следует за ветром, догоняет его и даже, быть может, повелевает им⁵. Орёл способен видеть и подводные пути-дороги (вспомним скоп, охотящихся исключительно на крупную рыбу, и величавых орланов, которые тоже вглядываются в воду и весьма склонны к рыбной ловле). Он чу-

⁴ Повесть... С. 26-27, др. – Отрывки *Повести* были напечатаны: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 9. СПб., 1821. С. 325-340, примеч. 567, 574-584, 599, 602. – К слову сказать, многие не замечают очевидного факта: планомерная *осада* и блокада Пскова начались с 26 августа 1581 г., но псковичи ударили по передовым вражеским отрядам ещё 18 августа, начав *оборону* родного города до подхода основных сил противника, не считаясь с мнениями польского короля и господ историков. – Ср.: Повесть... С. 59; Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 114-115. – Далее: ПЛ.

⁵ См. значения древнерусских слов *гнати* (*гънати*) и *гонити*: Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 40-41, 74-75. – Далее: Сл.РЯ. – Ср. перевод *Повести* В. И. Охотниковой, с которым можно согласиться далеко не во всём // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 468-469. – Далее: ПЛДР.

десен, и это **чудо** мог увидеть всякий, хотя очень немногие задумывались о его смысле. Однако каждый догадывался, что парящее наверху *обыкновенное чудо* близко Небу, обладает необыкновенными способностями и, должно быть, через него сам Господь может явить свою волю.

В глубокой древности люди убедились в том, что небо является источником многих благ, а прежде всего – света, тепла и влаги (скажем, живительного при засухе дождя). Это обстоятельство не могло не породить представления, а затем – идеи о власти Неба над людьми... В чередующихся логических ступенек находится мысль о небесном происхождении любой верховной власти на Земле. Не желая вновь подтверждать эту точку зрения, ставшую, пожалуй, антропологической аксиомой, ограничусь одним примером. Так, среди нынешних японцев можно отыскать таких, кто верует, что их император – Тэнно (*Полярная звезда*) – является прямым потомком богини Аматэрасу (*Госпожи – Божества Солнца*)⁶.

Притязания же незадачливого *градоємца* Стефана Батория для Василия просто смехотворны: *Да весть, твое державство, гордый литовский начальник, королю Степане, яко и пяти лет во Пскове хрестыянское отроча посмеетца твоему безумю и твоим глупым первосоветником*⁷. / Знай, твоё державство, гордый литовский начальник (предстоятель, предводитель), король Степан, что во Пскове и пятилетний ребёнок посмеётся над твоим безумием (безрассудством, сумасбродством, глупой шалостью) и глупостью ближних твоих советников (советчиков, наушников, шептунов)⁸.

⁶ Мещеряков А. Н. Японский император и русский царь : элементная база. М., 2004. С. 17, 33, 104-106, 109, 115-116, 249, др. – Ср.: Фаминцын А. С. Божества древних славян. М., 2012. С. 108-109; Щавелёв А. С. Славянские легенды о первых князьях : сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. С. 168-176.

⁷ Повесть... С. 83.

⁸ Перевод этих строк В. И. Охотниковой нельзя признать удачным: *Пусть знает твоё величество, гордый литовский правитель, король Стефан, что в Пскове и пяти лет христианский ребёнок посмеётся над твоим безумием и твоими глупыми первосоветниками...* // ПЛДР. С. 458-459. – Зачем, перелагая древнерусский текст на современный

В этом язвительном отрывке из ответного послания псковичей Стефану Баторио, благосклонно предлагавшему очень почётные и выгодные условия сдачи города, королю тыкают и пренебрежительно титулуют его *державцем* вместо положенного: *Ваше Величество*. Псковские воеводы, дьяки и близкий к руководителям обороны Василий как нельзя лучше знали, что венгерский князёк Иштван Батори является не взысканным Небом прирождённым Государем, а выбранным панами консортом – соправителем своей жены Анны Ягеллонки (из угасшей династии Ягеллонов). Как не знать, если сам грозный царь-батюшка обращался к Стефану как *Царь* <...> *по Божью изволению, а не по многомятежному человечеству хотению* и ядовито пересказывал речи королевских послов, похвалявшихся: *обираем себе государя, кого захотят* (описка, надо: *захотим*), *которой государ у нас ни будет, и он без нас ничего не делает; а что и захочет делати, ино мы не дадим*⁹. Кроме того, король иносказательно уподоблен избалованному (*гордому*) злему мальчишке, в сумасбродствах которого виноваты и его неразумные воспитатели.

Псковичи знали, что в Речи Посполитой *державцем* называют временного управителя пограничным городом и землёй, по сути – служилого чиновника, совсем не сопоставимого с властными вельможными *воеводами* и *старостами*¹⁰. Своим ответом они оскорбили короля выше всякой меры, но Василий считал, что и этого мало.

Да, судя по *Повести*, король Стефан был даровитым военачальником, способным овладеть не только маленькими (хотя и нешуточными) укреплениями Сокола и Острова, но даже куда более основательными городами-крепостями Полоцком и Великими Луками. И в этом повинны сами многогрешные русские люди: *тамошня украиня приемлет грех ради наших, яко за-*

нам русский язык, заменять обращение *Степан(е)* каноническим именем *Стефан*, а уничижительное *твоё державство* – монаршим титулом *величество*? Этак можно превратить старозаветных псковичей в шеголеватых шляхтичей.

⁹ Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 213, 229.

¹⁰ Не очень точно о значении слова *державец*: Сл.РЯ. Вып. 4. С. 222.

*бывшие Бога и возвратишася на грехи*¹¹. Но кто он такой, чтобы притязать на *Славный город Псков*?!

Ответ на этот вопрос, кажется, знали молодые горские парни с Карпатских Татр, которых король позвал на войну, дав им небольшое вспоможение, как бы спасая их от полуголодного прозябания. Шагая на *Московскую* (Ливонскую) *войну*, те польские и словацкие молодцы распевали с большим чувством:

*Эх, как с гор мы спустимся в долины,
Врага одолеем, сами будем целы.
Идите-ка, хлопцы, в долины, в долины
К королю Стефану, в московские степи!
Налетает ветер с венгерской границы,
Наш Стефан Баторий – что горный орёл.
Эй, Стефан Баторий! Веди нас, веди!
За тебя, Баторий, головы сложим...
Гетман наш Замойский, пан вельможный наш,
За ружьё спасибо, порох ты мне дашь.
А я буду хлопец, эх, маршировать!
Все весною будут поле здесь пахать...
Золотые кудри мне придётся снять,
Под росистым буком больше не гулять...¹²*

Выходит, есть мнение об **орлиной повадке** короля Стефана? – Выходит, так. Однако песня эта кончается невесело, даже жалостно. Ах, Янек, Собек, Шимек, Войтек, Кшись, Францишек, Бартек, Сташек, Мацек, Енджей, Якуб, Щепан, Мартин, Миколай, Михал и ты, Тадеуш... – я и не знаю всех ваших имён... Не ваши ли косточки лежат-дотлевают на большой глубине под нынешней псковской площадью Победы и прилегающими к ней улицами с переулками, в саду Мирожского монастыря и в других местах да местечках древнего и вечно молодого Пскова? Кому это было надо, и как рыдали ваши родители и

¹¹ Повесть... С. 42.

¹² Тетмайер К. Легенда Татр // Он же. Избранная проза. М., 1956. С. 156. – Здесь и далее в выдержках из чужих сочинений я выделил жирным шрифтом **орлиные** слова.

близкие, и чего уже никогда не споют нерождённые ваши дети и их потомки...

Недаром, ох, недаром предупреждал иконописец и псковский книжник, простой и проникательный человек Василий Михайлович: мол, **король Степан – не орёл**, ибо хватка у него есть, а вот вещей орлиной зоркости, прозорливости, смирения – нету, – *де от высокого своего возношения до ада снидеши со всем своим воинством*¹³. И впрямь, его орлята, точнее – *утята (!)*, даже не научившись летать, один за другим падали на сырую землю.

Так, во время второго большого штурма города (28.X.-2.XI. 1581 г.) преданные королю венгры (и, возможно, татрские горцы-гуралы), атакуя с Завеличья по тонкому льду едва ставшей р. Великой, ухитрились врубиться, вкопаться вглубь крепостной стены Окольного города, ночуя в новоявленных пещерках-склепах и продолжая пробивать проходы внутрь города. В свою очередь, псковичи наострились извлекать оттуда некоторых подсекателей-каменщиков, перехлёстывая через стену (и вниз – под себя) шестами с привязанными к ним цепями и ремнями с крючьями на концах. – *И <...> пугами (кнутами) же теми и острыми крюками, яко ястребими носы ис-под кустовья и на заводах утыта извлекаху; <...> стрельцы же (псковские), яко белые кречаты сладкий лов, из ручниц (ружей) телеса их (врагов-утят) клеваше...*¹⁴

Жестокая, мстительная, но очень жизненная и красочная картина расправы разгневанных псковичей, уподобленных хищным **ястребам** и соколам-**кречетам**, над зарвавшимися лжеорлятами, оказавшимися неразумными **утятами** и слепыми **кротами**, на первый взгляд, не делает чести добротолубию Васи-

¹³ Повесть... С. 72. – Ранее показано превращение горделивого Степана в лютого оборотня – *великого змия*, предводительствующего потусторонними и земными страшилищами – аспидами, скорпеями, хищными волками, *мертвотрупоглядательными* псами... Но в этой работе для них нет места.

¹⁴ Повесть... С. 88.

лия¹⁵. Но прежде нужно осознать, прочувствовать, сколько зла принесли на Русскую землю королевские культуртрегеры, а затем услышать вздохи псковича о юных и пригожих иноземцах, понапрасну загубивших свою молодую жизнь в стороннем для них краю. Вот роскошные польские паньчи, хвастливо обещавшие королю поставить перед ним связанных псковских воевод (князей В. Ф. и И. П. Шуйских), атаковавшие Свиную башню и погибшие при взрыве её осаждёнными, – *до последнего восстания* (до Страшного Суда) *связашася (!) и телесами своими псковский великий ров наполниша*. А вот о расстрелянных в воздухе венграх, словаках и иже с ними: *бедные их литовские градоємцы, гайдуки и каменщики...* И хотя 8 сентября, в день самого страшного для города вражеского приступа, погибло 863 русских воина и выбыло из строя ещё 1626 раненых (т. е. значительная часть защитников), Василий, описывая вечер *плача и веселия* во Пскове, духовным слухом воспринял и *плач велик и крик и рыдание и вопль мног тысяч отсутствовавших во вражеских станах разноплемённых жён и невест, отцов и матерей, братьев и сестёр: паньи панов плачют, мужей своих, матери же чад лишаютца, брат з братом разлучишася*, ведь милые их любимцы *сами изо псковского поля и изо рву не изшедша, но телеса их на снадение псом вдашася*¹⁶.

Вот оно! За повествованием о приходе гордого короля на Русскую землю, за рассуждениями об орлиных и иных звериных метаморфозах вражьей силы таится, даёт себя знать душевный мир **старорусского человека**, в данном случае – обитателя русского порубежья **псковича**, чуть-чуть известный благодаря нашей великой литературе, собственному нашему наитию и ещё немножко – по немногочисленным учёным трудам. Собственно говоря, псковичей мы не отличаем от других предков, хотя различия, конечно, были, ведь именно они 500 лет противостояли почти непрерывному натиску немецких, литовских, польских и шведских рыцарей-героев, вымогателей и головорезов, а это не могло не сказаться на **псковском миропонимании, строе мыс-**

¹⁵ Повествователь уже писал о баториевцах: *Злоумышлено же и люте лукаво к городу прилижеся, коплюще же и роющее землю, яко кроты // Повесть... С. 61.*

¹⁶ Там же. С. 72-73, 80-81, 88.

лей, характере, нравственности, чувстве прекрасного и знаковых рядах (символике).

Мне уже доводилось писать о нашей отзывчивости на чужое страдание. В 1979 г. некий дедок, обитатель срединной Псковщины, непостижимым образом **точно знавший** обстоятельства отступления воинов Батория от Пскова в южном направлении, расписывал:

Которые целы остались, тыи в Эстонию побегли, а другие – сюда, к нам, чтоб к дому поближе было. Только им тут худо пришлось.

Зима в том году хреновая была. Великая рано стала, а в феврале уже й пошла; им и не перебраться. Кормить их некому. Нам самим ись нечего, работников с войны мало осталось. Так они быдто с ума посходили с голоду да с тоски. Всё ходили по берегу, по песку и помирали, помирали...

Жалко людей, конечно. Пропали ни за что. Думается, етит твою – их маковку, за каким... припёрлись? Мёдом им тут намазано? Думали, Псков им лёгко дастся...¹⁷

Эти слова совпадают с оценкой незваных французских гостей, данной в 1812 г. фельдмаршалом кн. М. И. Кутузовым (кстати, псковским, опочецким помещиком, каковым он числился всю свою жизнь):

– Пока они были сильны, мы их не жалели, а теперь их и пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята? <...> А и то сказать, кто же их к нам звал? Поделом им...¹⁸

Василий заметно гневливее этих современников Отечественных войн XIX-XX вв., но его книга написана по горячим следам, его утраты и раны, возможно, свежее, ближе, сильнее. Так что рано говорить об особой жестокости, якобы отличавшей старых псковичей-пограничников от прочих русских. Можно, конечно, вспомнить и безжалостного в бою псковского уроженца, знаменитого партизана 1812-1813 гг. полковника А. С. Фигнера, даже не бравшего в плен наполеоновских солдат

¹⁷ Зуев М. И. Музей как миф. Из записок музейного сотрудника // Музея дивное пространство: храм памяти, наук и муз... Псков, 2002. С. 173-176.

¹⁸ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 4, ч. 4, гл. 6.

и офицеров, и сердобольных русских женщин-страдалиц, бывало, подкармливавших и жалких пленных гитлеровцев¹⁹.

Свидетельств русской отзывчивости, человеколюбия или, напротив, жестокосердия на войне – очень много, но сопоставление *псковских* и *непсковских* фактов, надёрганных из разных эпох и топосов, совершенно не научно²⁰.

Зато очевидно умудрённое **отечестволюбие** простеца Василия, приблизившее его к осознанию богословской и философской категории *слава*, трудно постигаемой и в наши дни. Да, он прикипел сердцем к своему милому малому отечеству и страстно желал ему благоденствия и одоления полчищ богомерзких еретиков-наильников, *злоумышлено же и лоте лукаво* пытавшихся завладеть им. Многие историки и филологи видят и понимают это, но, считая такое чувство естественным, а главное, не задумываясь над истинным значением непростых слов *отечество*, *слава* и *славный*, *богоспасаемый* и *богохранимый*, – даже не говорят о **славословии** Василия²¹.

¹⁹ Записки А. П. Ермолова, 1798-1826. М., 1991. С. 212 и др. по Указ.; Володин П. М. Партизан Александр Фигнер. М., 1971. С. 8, 17, 19, 22-23, 27, др.; Цвайгер А., Нойенбуш Х. Кровавое безумие Восточного фронта. М., 2009. С. 75-76.

²⁰ Подобной спекулятивной, научно некорректной методой пробавлялись и пробавляются многие зарубежные и российские *демократические* историки и публицисты времени *перестройки* (и других времён).

²¹ Даже новейшие исследователи *Повести* и обороны Пскова 1581-1582 гг. как будто не замечают пламенного *отечестволюбия* Василия и его *славословия* родному городу. Лишь Р. Фрэнчер упоминает о *локальном патриотизме* Василия, имея в виду, очевидно, любовь к малой родине, так сказать, *местечковую любовь*, точечное чувство. – Фрэнчер Р. Рецепция официального московского «образа войны» на периферии царства и его трансформация вследствие поражения в Ливонской войне (на материале повествовательных источников из Пскова конца XVI века) // Балтийский вопрос в конце XV-XVI в. : сборник научных статей. М., 2010. С. 275-291. – Ср.: Охотникова В. И. Василий // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4 : Т – Я ; Дополнения. СПб., 2004. С. 838-841; Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы : Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 63-93; Дёмин А. С. Литературные новации «Повести о прихождении

Я сознательно избегаю слова *патриотизм*, которое, во-первых, отсутствует в русском словаре XVI в., а во-вторых, соответствует лишь земной любви, привязанности к своей земле, Родине и народу. *Отечестволюбие* нашего книжника заметно богаче, ибо свидетельствует и о такой земной любви, и о причастности к **небесному Отечеству, выражаемому единством Святой Троицы – Бога Отца** (творца миров и человек), **Бога Сына** (ставшего Христом – Спасителем человечества) и **Святого Духа** (исходящего от Отца и животворящего Вселенную), – а в древнерусской иконографии – образом *Отечество*²².

Отечество. Новгород, кон. XIV в. ГТГ. (Прорисовка Ю. Г. Боброва). На псковских иконах Святой Дух часто изображался в виде 3-х лучей, нисходящих из одной точки.

Стефана Батория на град Псков» // Он же. Древнерусская литература как литература : (О манерах повествования и изображения). М., 2015. С. 316-325.

²² Ср.: Бобров Ю. Г. Основы иконографии древнерусской живописи. СПб., 1995. С. 201-203.

Книжник-иконописец настойчиво величает свой город **славным**, начиная с заглавия: *Повесть о прихождении литовского короля Стефана великим и гордым воинством на великий, на славный богоспасаемый град Псков...* Даже не понимающему глубинный смысл слова **славный** православному человеку было сразу ясно, что *великое* (т. е. очень большое, огромное) королевское войско обречено на разгром, ведь оно *гордое*, т. е. поражённое грехом гордыни – матери всех грехов, порождением Сатаны, который ничтожен перед Господом; Псков же *велик* не только всяческими укреплениями, но и великой милостью Бога, который не раз спасал небезгрешный, но надёжный в защите Православия *богоспасаемый град*²³.

Это же понятно. И сам царь Иван Васильевич, поставленный Господом *превыше других человек*, знал, что его град Псков крепко стоит *на рубежи от неверных – градов насилующих враг*. В 1577 г. он, *достигшу... своя вотчины, славнаго града Пскова*, припадал к святым образам Живоначальной Троицы, Пречистой Богородицы (чудотворной Чирской), к раке блгв. князя Всеволода-Гавриила в Троицком соборе и слёзно молил *в Троицы славимаго единаго Бога, дабы ему, государю, Бог подал милость свою и победу на неверныя своя враги и насилующих во Христа верующему народу*. А после поклонения святыням Псково-Печерского монастыря благоверный царь двинулся в свой Ливонский поход: *Пути же шественому на враги начинающуся из славнаго града Пскова*²⁴. Но значит ли это, что *слава* Пскова как-то связана с Великим Государем?

²³ Василий прекрасно знал, какое сильное впечатление вызывали псковские твердыни у иноземцев, и воспроизводил его в речах Батория: *Псков град превелик зело... каменнооградными крепостьми преболе и паче иных утвержен. Сего ми, рече, прежде подобает взяти; Великий Новград ни единого дни против мене постояти можетъ.* – Познакомясь с действием псковской артиллерии король возопил: *Что же ли се вижу и слышу? Яко ни у меня с собою нет, ни в Литве остася, такова хоти едина пицаль (пушка), еже столь далече шествие пути кажет* (которая столь дальнобойна). – Повесть... С. 35, 43, 50, 60.

²⁴ Там же. С. 36-37.

Вестимо, так. Царь *правит* своё *добре православное хрестьянское Росийское царство*, обороняя, защищая всех живущих *под его царскою высокою десницею* от *воюющих и насилующих* неправославных государей – *от окольных же неверных царей* (это, конечно, крымский и сибирский ханы), *и кралей* (Речи Посполитой и Швеции), *и всяких начальник* (т. е. татарских царевичей и мурз, ливонских рыцарей, воинствующих соседних правителей вроде незабвенного убийцы русских *людшек* Филона Кмиты, старосты Оршанского и ложного воеводы Смоленского)²⁵, а также известных недоброжелателей России – шведских магнатов Горнов и Делагарди)²⁶.

В том же 1577 г. *Государь, добр здрав и славен победитель, во свою вотчину на Рускую землю возвратися*. Победа казалась блестящей, она кружила голову: под царской рукой (а *государева рука высока!*) оказалась почти вся Прибалтика, за исключением Риги и Ревеля (Таллина). Царь не скупясь, по-царски отблагодарил Пречистую Богородицу за помощь, наделив Успенский Псково-Печерский монастырь и любимую им Успенскую церковь на псковском Завеличье селениями, золотом и серебром, присовокупив к сему *узорочья новоплененных* и пролив *благодарные слезы* в псковском Троицком соборе, *обеты же своя вся исправляюще*²⁷.

²⁵ Похоже, этот пан стал прообразом несравненного героя-любownika из романа Г. Сенкевича *Потоп* – оршанского хорунжего, а после – *великого рыцаря* и королевского старосты пана Анджея Кмицица.

²⁶ Повесть... С. 35.

²⁷ Там же. С. 39; Королюк В. Д. Ливонская война : Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954. С. 96. – Ср.: Переписная книга Псково-Печерского монастыря, 1639 г. // ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. № 112. Л. 175 об. – 176 об., др.; Зуев М. И. Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1639 г. // Земля Псковская, древняя и современная. Псков, 1993. С. 33; Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 248-249; Евгений (Болховитинов Е. А. ; митр.). Описание Псково-Печерского первоклассного монастыря. Дерпт, 1821. С. 31; Толстой М., граф. Святыни и древности Пскова. М., 1861. С. 73, 113, 120, 122.

А через год Иван Васильевич вновь возглавил русское войско, идущее в Ливонию, но в *славном* Пскове получил весть о походе короля на Полоцк, а позже – о падении этой древней кривичской столицы и окрестных крепостей, включая Сокол и Красную. *Православный государь* послал туда своих воевод, а сам вернулся в царствующий град для подготовки к схватке с *неистовым зверем, крепким и лютым варваром* Степаном²⁸.

В изложенных Василием событиях 1576/77-1579/80 гг. легко прослеживается **связка двух защитников Православия, поставленных над другими действующими лицами исторической драмы** завершающейся 25-летней Ливонской войны – **Православного Царя и его Славного города Пскова**, возвеличенного Василием **более других русских городов**, ибо он – *славный* и его святыни – **надёжнейший оплот Святой Троицы, Православия и земного Царя на рубежи от неверных**. Отсюда начинаются победоносные царские походы на *насилующих враг*; здесь царь *припадает*, молясь перед псковскими образами и чудотворными мощами, и *слезы же многи проливает* о своих грехах и по *верующему народу*, взыскав Божией помощи и исполнения *жалания сердца* своего о победе над неверными; сюда возвращается он с победой и **славой**²⁹.

Превыше Пскова только Москва – на то она и столица. Забавно и трогательно наблюдать некое внутреннее борение между чувствами и учёностью нашего книжника: несколько раз упомянув Москву как *царствующий град*, он лишь дважды счёл возможным признать её право на обладание *славой* (оба раза при описании царского возвращения из похода 1577 г.) – *паки же [царь] славнаго своего царствующаго града Москвы достигает и тамо велехвален победитель ото всех показася...*³⁰ Меж пышных строк не сразу заметишь обиду за более скромный и сдержанный в проявлении страстей Псков, но эта-то обида и побуждает Василия к усиленному восхвалению малой родины.

И то сказать, псковский книгочей прекрасно знал (хотя бы из летописей), что в отличие от Москвы Псков и его пригороды

²⁸ Повесть... С. 41-42.

²⁹ Там же. С. 36-37, 39, 41.

³⁰ Там же. С. 39.

многажды преуспевали при отражении вражеских нашествий, походов и набегов; на собственном опыте он сведал, что уже более двух десятилетий его родной город тянет тяжеленный царский воз к морю, переступая натруженными ногами через трупы родных и близких, порой сбрасывая с плеч лямки, чтобы сразиться с врагом огнём и мечом.

Каждый пскович был так или иначе связан с обороной Отечества – и благочестивые священники, нередко привлекаемые для службы *в полках* (кое-кто из них был смолоду искалечен на войне и схоронил погибшего отца, брата, сына), и стоявшие перед ними прихожане – кожевники (делавшие, в частности, сбрую для кавалерии и построжки, лямки, ремни для артиллерии и пехоты) и зелейники с ямчужниками (производившие порох), каменщики-горододельцы и ковавшие победу кузнецы, приказные люди и площадные подьячие, стрельцы, казаки, пушкари, воротники, дети боярские... Василий тоже участвовал в этой войне и защищал Псков от короля Степана, и очень жаль, что нам почти ничего не известно о его жизни³¹.

Пора, наконец, оглянуться на уже собранные, но ещё не осмысленные, не связанные воедино (не систематизированные) разрозненные наблюдения, – что совершенно необходимо и для понимания **образа орла** в псковском духовном и материальном наследии, и, главное, для постижения стоявших за этим образом **мировоззренческих основ православного псковича-пограничника**, которые складывались на протяжении XIII–XVI вв. (т. е. во время противостояния Пскова воинственным иноверным соседям, в годы его самостоятельности и постепенного вхождения в состав областей Московского царства).

В картине мира, явленной нам Василием, хорошо видна **лествица** (иерархия) **всего сущего во Вселенной**, в т. ч. и **лествица ценностей** (аксиология) **православного человека того времени**³².

³¹ Это немного изложено мною в работе *Происхождение изящных мастеров: книжники-зографы Василий (Михайлов) и Григорий (Васильев) в круге псковских иконописцев 2-й половины XVI столетия*, готовящейся к публикации.

³² Ср.: Зуев М. И. Колокола псковского мастера Логина Семёнова // *Земля Псковская, древняя и современная*. Псков, 1991. С. 29-30; Он же.

Над миром стоит **Бог (Святая Троица)**, которому предстоят **Пречистая Богородица** и все наднебесные и небесные существа (включая *первейшаго... воеводу, великого чиновачальника, архангела Михаила* и со всеми святыми безплотными силами), а также прославленные Богом православные святые, среди которых мы видим *великаго, преименитаго в чудесех чудотворца Николу, великаго страстотерпца Христова и победоносца, великомученика Димитрия Селунскаго* в златёном доспехе, начальницу *истинныя веры и всея Руския земли и богохранимаго того града Пскова* и *благочестивым царем и великим князем благому корени христоролюбивую великую княгиню Ольгу-Елену* и псковского *истиннаго заступника, благовернаго великаго князя Гаврила Всеволода*, с ним же и князя *Доманта* и *Микулу*, *иже Христа ради уродиваго*, да начальника псковских общежительных монастырей *преподобнаго отца нашего Ефросина*³³.

Наместником Бога на земле является **Православный Царь**, данный людям *в отца место*, ниже которого последовательно размещены другие государи, люди, города и селения... словом, всё живое и неживое, включая самого *грешнаго* и *всеми недо-*

Лошадиные «фамилии» и клички в первой половине XVII в. // Материалы Восьмых Псковских архивных чтений, 20-21 ноября 2013 г. Псков, 2014. С. 66; Он же. Фёдор Умойся Грязью и Фомка Мила Голова, их товарищи, сябры, земляки и господа (заметки историка о русских сложных именах и прозвищах) // Кирилло-Мефодиевские традиции в Пскове : материалы Четвертых чтений..., 2015. С. 60, 80 (примеч. 11).

³³ Ср.: Повесть... С. 37, 58, 78, 85-86, 98; Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений : с приложением толкований прп. Максима Исповедника. СПб., 2006. С. 52-55, 31-317. – Небесным покровителем вел. кн. Всеволода-Димитрия Юрьевича Большое Гнездо был именно солунский вмч. Димитрий, которого очень почитали прямые потомки Большого Гнезда – внук Александр Невский, царь Иван Грозный и др., а также связанные с этой династией города Димитров, Москва, Псков... Впрочем, псковичи чтили его ещё в раннем XII в. – Ср.: Вершинский А. Н. Всеволод из рода Мономаха. Византийские уроки Владимирской Руси. СПб., 2014. С. 95-110 и листы ил. 1 (об.), 2, 6-7; Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV-XV веках. М., 2011. С. 259-261; Псковские летописи. Вып. 1. М. ; Л., 1941. С. 57, 103, 119, 140; Там же. Вып. 2. М., 1955. С. 48, 58, 77, 140, 227, 292-293.

статки исполненного псковича Василия, художеством з(о)графа³⁴.

Каждый человек, любая земная тварь должны работать, служить Богу, ведь *всякое дыхание да славит Господа!* Таким же должно быть и отношение людей (и городов!) к своему царю – защитнику Православия и отцу вернопопданним православным христианам. Так говорил и персонаж *Повести*, боярин и дворовый воевода князь Иван Петрович Шуйский: *Надеемся, государь, свершенною надежою крепце на **Бога** и на необоримую и крепкую стену и покров, хрестьянскую нашу заступницу, **Истинную Богородицу**, и на вся святыя, и на **твое государево царское имя**, яко Псков город от литовского краля всякими укрепленьми отстоятися может.* Так перед королевским нашествием приводили к крестному целованию псковичей, обещавших за *Бога и за своего государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, и за его государевы дети, и за святыя церкви, и за православную хрестьянскую веру, и за Псков град битися с литвою до смерти безо всякие хитрости*³⁵.

Эта зримая картина, начертанная, можно сказать, **орлиным пером** умудрённого псковского книжника (бывшего, надо думать, и даровитым иконописцем), очень напоминает писания самого Грозного царя. Иван Васильевич уже давно отобразил такое мироздание в своих посланиях, в сочинениях, подписанных чужими или вымышленными именами, в Стоглаве и в приписках к Лицевому летописному своду, в завещаниях, даже в разрядных книгах военных предписаний и в других делопроизводственных документах³⁶.

³⁴ Повесть... С. 35-36, 99.

³⁵ Там же. С. 46, 48-49.

³⁶ См., например: Послания Ивана Грозного. М., 1951; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981; Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Он же. От легенд к фактам : Разыскания и исследования новых источников по истории допетровской Руси. СПб., 2009. С. 79-123; Он же. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // Там же. С. 175-210; Он же. О действительных авторах сочинений, приписываемых Ивану Пересветову // Там же. С. 223-271; Он же. Разрядная книга московских государей XVI в. (Официальный

Денно и ночью царь выступал как *апологет своей собственной власти, придавая своим воззрениям на природу царской власти характер своего рода политической исповеди, изложения тех принципов, которыми он сам – царь – руководствуется в управлении государством; при этом царская деятельность подымается здесь до высоты теории, а сама теория выступает как прямое и непосредственное руководство к практической деятельности, определяющее и направляющее эту деятельность*³⁷. И как писатель, Грозный – *политический деятель, тщательно показывающий разумность и правильность своих поступков, стремящийся действовать силой убеждения не в меньшей степени, чем силой закона и приказа*³⁸.

Да, смиренный Иван Васильевич – царь по Божью изволению, а не по многоятежному человечеству хотению, возведённый на престол своих предков *Всемогущия Святыя и Живоначальныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа во единстве покланяемаго истиннаго Бога нашего всеодержительныя десницы Его непобедимые милостию, дабы и он был милостив для христьянства и для подданных своих всех, не щадил бы персоны своей против недругов своих, обороняя Православие и православных тебя и меня – от турок, и от Перекопского (хана), и от цысаря (кайзера Священной Римской империи германской нации), и от иных многих земель*³⁹.

Однако же, где милость, там и гроза. Так повелось: *благодарный ливень, дарующий жизнь одним, пугает и даже убивает грозовой молнией других. Верно и то, что хрестьяном не подобает кровем радоватися и убийством и подобно варваром дяти, но относится ли сей завет к бесам и их служебникам, которые идут церкви разоряти, и иконы попирати и крестьян погубляти, – даже если они мысляю яда своего смертоноснаго это*

текст) // Там же. С. 390-392, 403-406; Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М., 1947. С. 286-296; Смирнов И. И. Иван Грозный. Л., 1944. С. 102-108; Уо Д. К. Неизвестный памятник древнерусской литературы // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 357-361.

³⁷ Смирнов И. И. Указ. соч. С. 105-106.

³⁸ Лихачёв Д. С. Иван Грозный – писатель // Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 453.

³⁹ Цит. по изд.: Послания... СПб., 2005. С. 213, 246.

сотворят? – Вестимо, нет. Ещё злее те, кто преступили крестное целование, богоотступники, *израдцы* (предатели), – даже целые страны, отпавшие от Православного древа в ересь, где уже *несть крестьян, разве малейших служителей церковных и сокровенных раб Господень!*

Православный Государь должен быть **грозным**, *ярым* в борьбе с нечистью, защищая Отечество, Церковь и всех православных христиан: *И всегда убо царем подобает обозрительным бытии, овогда кротчайшим, овогда же ярым; ко благим убо милость и кротость, к злым же ярость и мучение. Аще ли же сего не имея, то несть царь, царь бо несть боязнь делом благим, но злым. Хощеши ли бо не бояться власти? Благое твори; аще ли злое твориши, бойся, не туне бо меч носит*⁴⁰.

На заре христианства апостолы понесли Божье слово во все стороны света, *всю вселенную, яко же орел, летанием обтекши*, и Грозный Государь очень хотел, чтобы его царские слова о праве и долге самодержца – хозяина обширного семейства, об обязанностях бесчисленных его *холопов, богомольцев, рабов и сирот* – дошли до всех подданных и кое-кого из соседей... Об этом свидетельствует содержание многих списков посланий царя изменнику, князю А. М. Курбскому, и обращение Ивана Васильевича *во все его Великия Росии государство на крестопреступников* (в др. ред.: *на изменников его*) в заголовке *Первого послания*... князю Курбскому. Д. С. Лихачёв не без основания считал, что *переписка Грозного с Курбским обращалась среди московских людей в качестве материала для чтения*⁴¹.

⁴⁰ Послания... СПб., 2005. С. 219, 10-11, 20.

⁴¹ Ср.: Переписка Ивана Грозного. М., 1981. С. 12, 53, 62, 103; Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Там же. С. 214-249; Лихачёв Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Там же. С. 187, 197; Он же. Иван Грозный – писатель // Послания... СПб., 2005. С. 453, 456, 460. – Служилые люди всех чинов (начиная с бояр) именовали себя *холопами* Государя, представители духовенства – *богомольцами*, а посадские люди и крестьяне – *рабами и сиротами*. – Ср.: Котошин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 151 (гл. VIII. 6).

Наш царь-батюшка сам как орёл! – Такая мысль должна была появиться у некоторых древнерусских читателей сочинений Ивана Васильевича, и Василий, который разделял это восхищение и поддерживал целый ряд начинаний самодержца, воспел его в своей Повести. Причин тому было – хоть отбавляй, но их до сих пор никто не рассматривал, хотя лежат они, как говорится, на поверхности.

Надо сказать, мюнхенец Р. Фрёчнер лаконично и верно выразил помыслы Ивана о самом себе как о высшем представителе, избраннике Бога на Земле и помазаннике Нового завета, новом Константине (добавлю: и великом князе Владимире своего времени), как о правоверном царе, который *должен исполнить вверенную ему Богом задачу – не только защитить своё царство от внешних врагов-иноверцев* (язычников, идолопоклонников, еретиков), *но и по возможности расширить территорию своего царства до Второго пришествия Христа и таким образом распространить правую веру*. Взгляды Василия, бывшего православным подданным правоверного московского царя – на своего Государя (который твёрдо, грозно стоит за святу христианскую веру) – и лучше, ярче других передавшего *официальный образ войны*, тоже показаны весьма точно и сжато.

Ещё германский историк преуспел и в краткой характеристике локального патриотизма псковича, желавшего подчеркнуть образцовость Пскова, который, будучи оплотом правоверного Московского царства, с Божьего соизволения осуществил, в отличие от Полоцка и Великих Лук, успешную оборону от внешних врагов, что воспринято Василием как знак божественного благословения и как подтверждение своих религиозно-политических убеждений⁴².

Псков и книжник-зограф Василий не обделены вниманием и профессора А. И. Филюшкина в его (воспользуюсь словами кн. А. М. Курбского) широковещательном и многошумящем фолианте об изобретении Ливонской войны. Он проследил трудные дороги войны в сознании русских и зарубежных интеллектуалов XVI – нач. XXI вв., надолго остановился в осаждённом Баторием Пскове, познакомился с Василием, ответил нам на некоторые

⁴² Фрёчнер Р. Указ. соч. С. 277-282, 285-286.

вопросы (-Кто? -Что? -Где? -Когда?), но, увлечённый дискурсами (слово-то какое родное, незаменимое, бесценное!) странной войны, устремился дальше, так и не заинтересовавшись подоплёкой причудливого сознания и поведения псковичей. Вот и Р. Фрёчнер остановился на пороге разгадки, подчеркнув, что крайний Псков обладал развитым региональным самосознанием и потому может считаться воплощением периферии, критически настроенной по отношению к московскому центру, будучи присоединённым к Москве в 1510 г. против воли псковской духовной и светской элит, но...⁴³ А где хотя бы предположения о причинах царистских иллюзий Василия (как говаривали советские историки)?

Причины просты: Василий был псковичом, а маленькая Псковская земля, утеснённая боевитыми соседями-соперниками в долине р. Великой (соединённой Псковским озером и р. Нарвой с морем), остро нуждалась в помощи и уже с XIII в. стала угождать блгв. кн. Александру Невскому и его потомкам – вел. князьям Владимирским и Тверским, а позже – Москов-

⁴³ Ср.: Фрёчнер Р. Указ. соч. С. 278; Филошкин А. И. Указ. соч. С. 63-93 и др. (по указ. *Псков*). – Александр Ильич написал в общем полезную и цельную книгу; немалое число его наблюдений и выводов послужит толчком для вопросов, стоящих перед историческим кругом. Жаль только, что он сам не ответил пока на бесчисленные *а почему?*, возникающие, в частности, при знакомстве с псковскими былями и тарабарскими бриколажами в повествовании Василия. Мечты сбываются, и остаётся надеяться, что профессор, став любимым историком общеевропейского дома, развеет как дым имидж России как антиевропы в сознании восхищённых албанцев, немцев, поляков, литовцев, латышей, сверхъестественных укров, твердокаменных эстонцев и всяких там прочих шведов, а потом напишет фактологическую (фактическую, событийную?) историю борьбы за Прибалтику. Действительно, *discurso* (беготня) по европам до поры полезна, но надо бы и о своём домишке подумать. Вот это будет по-нашему, по-русски! А похищение Европы и её восхищение и без наших историков состоится. – Ср.: Филошкин А. И. Указ. соч. С. 628-629; Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3, ч. 2, гл. XVII; Маяковский В. В. Стихи о советском паспорте (любое изд.); Словарь античности. М., 1989. С. 199-200; Шпенглер О. Закат Европы : [очерки морфологии мировой истории]. Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. – Минск, 1999.

ским⁴⁴. В 1510 г. она окончательно вошла в Русское (Российское) государство – *Московское царство*, но **порубежное её положение не изменилось**, и смерть по-прежнему приходила *от полское и от литовские и от немецкие украины*.

⁴⁴ Не правы те, кто не заметил этого. – Ср.: Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 3-4, 8, 28-31, 43, 48-81, 179-181.